

Максим Оськин*

РУМЫНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ОСЕНИ 1916 г. И РУССКОЕ ВОЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ В РУМЫНИИ: ПРОТИВОРЕЧИВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ИЗЛОМЕ КАТАСТРОФЫ

The participation of the Romanian Kingdom in the First World War in the campaign of 1916 resulted in a heavy military defeat and the loss of the capital and most of the country's territory. Among the humanitarian consequences, a special place is occupied by the refugee movement, which affected hundreds of thousands of civilians. Due to the fact that the refugees retreated to the north together with the army, their fate was closely intertwined with military operations, including the troops of the Russian ally. The Russian command in 1916 also had to solve the problems of regulating the refugee movement in Romania and organizing assistance to refugees.

Keywords: refugee movement, Russian command, Romanian royal army, organization of assistance, chief commissioner for the arrangement of refugees, Romanian Front.

Поражение союзников по Антанте в ходе румынской осенней кампании 1916 г. повлекло за собой ряд весьма негативных последствий для хода действий на Восточном фронте. Германская оккупация большей части территории Румынского королевства, захват неприятелем инфраструктуры, запасов хлеба и сырья, а также порта Констанца, обескровливание румынских вооруженных сил, переброска в Румынию трех русских армий, что неизбежно ослабило наступательные возможности русской действующей армии и проч. Тяжелейшим ударом стало и падение Бухареста 23 ноября.

В ожесточенном бухарестском сражении 20–22 ноября 120-тысячная румынская группировка (1-я армия и Дунайская группа) была уничтожена и рассеяна. Полного разгрома удалось избежать лишь при поддержке русских – 30 тыс. румынских солдат и офицеров, при помощи русской 40-й пехотной дивизии А. А. Рейнботта (Резвого) из состава 4-го армейского корпуса, разомкнувшей тиски намечавшегося окружения, сумели уйти на

* **Оськин Максим Викторович**, доктор исторических наук, профессор Международной полицейской академии Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула, Российская Федерация.
<https://doi.org/10.58187/rim.129-130.04>

северо-восток. В плен к австро-германцам угодило 65 тыс. чел. Трофеями немцев стали 124 орудия и 115 пулеметов. Французская миссия А.-М. Бертело, фактически руководившая операцией, настаивала на контрударе силами уцелевшей 2-й армии А. Авереску, но благоразумие возобладало. Уже 22 ноября румынское командование отдало приказ, чтобы «войска при отходе не втягивались в генеральное сражение, но упорно задерживали противника на занимаемых линиях, отходя шаг за шагом на главную оборонительную позицию Рымник – Визиру»¹. На следующий день армия Авереску также потерпела поражение, но сумела отступить на север в отнесенном порядке.

Одним из последствий проигранной кампании стало беженское движение на территории Румынского королевства. В период Первой мировой войны мирное население ряда противоборствующих государств оказалось в положении беженцев, бежавших от ужасов войны, ставшей «тотальной», то есть – направленной в том числе и против народного хозяйства и населения неприятельских стран. Бельгийцы и французы на Западном фронте, немцы в Восточной Пруссии и австрийские украинцы в Галиции, подданные Российской империи – в кампании 1915 г. в Литве, Белоруссии и, особенно, Польше. Разорванный в XVIII – начале XIX вв. между тремя империями, польский народ испытал на себе военные тяготы с обеих сторон.

Наиболее тяжелой в гуманитарном отношении ситуация оказалась на Балканах. В 1914–1915 гг. сербское население неоднократно подвергалось ударам со стороны противника, пока, наконец, осенью 1915 г. сербы, а затем и черногорцы были вынуждены к исходу с родной земли. Спустя год тяготы и ужасы беженского движения настигли и Румынию. Вследствие несогласованности действий государств Антанты, взаимных дразг и претензий, военной слабости румынской армии и численной слабости русских союзников осенью 1916 г. в Румынии – страну и ее народ постигло поражение, непосредственным следствием которого стало беженство.

До падения столицы Румынского королевства, беженское движение из западных районов страны было сравнительно невысоким и упиралось в столицу как в конечный пункт своего назначения. Взятие Бухареста австро-германцами и продолжающееся наступление неприятеля к линии реки Серет и устьям Дуная подтолкнуло беженцев к дальнейшему бегству, неизменно увеличив их количество. Тем самым военный хаос на дорогах, ведших от Бухареста к речным преградам, где отбивались разрозненные русско-румынские группировки, усугублялся массами беженцев. Ведь по примеру прочих государств, румынское правительство распорядилось однозначно (то есть, и насильно в случае нежелания людей добровольно ухо-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 58, 67.

дять) эвакуировать вместе с войсками военнообязанных мужчин. Нередко вместе с кормильцами в Северную Молдавию уходили и их семьи.

Отступая, румыны уводили с собой все мужское население от 16 до 46 лет, почему вместе с остатками армии от румынской столицы отступало до 1,5 млн. эвакуированных и беженцев². Первоначально беженцы заполнили саму столицу, а после поражения двинулись дальше на северо-восток. В донесении капитана 2-го ранга И. М. Ратманова от 16 ноября сообщалось, что по показаниям пленных, кайзер приказал 15 ноября взять Бухарест. Поэтому, «вся дорога от Садовой к Каракалу была запружена беженцами и разрозненными толпами невооруженных румынских солдат, бежавших куда-то в паническом ужасе. В каждом селе была паника»³.

Наиболее привлекательным транспортом для беженцев являлись железные дороги. Однако часть подвижного состава оказалась занята эвакуируемым имуществом различных учреждений и организаций, ввиду чего большая часть беженцев отступала «на своих двоих», пытаясь спасти детей, стариков, хотя бы часть собственного имущества и гоня за собой скот. Так как подобного разгрома румынских вооруженных сил никто не ожидал, а сами румыны необоснованно надеялись, что русские армии успеют на защиту Бухареста, то эвакуация столицы проводилась в спешке, без намека на какой-либо план. Ввиду разницы в ширине железнодорожной колеи, перегрузить эвакуируемое имущество для переброски в Россию, не представлялось возможным. В итоге, ясский железнодорожный узел до предела забивался поездами, совершенно не позволяя железной дороге нормально функционировать. Примерно такое же положение сложилось и в районе Галаца.

Тем не менее, беженское движение начиналось отнюдь не с Бухареста. Месяцем ранее, в октябре 1916 г. первые беженцы в массовом порядке появились в прижатой к Черному морю провинции Добруджа, где под ударами 3-й болгарской армии, усиленной германскими соединениями (группа фельдмаршала А. фон Макензена) отступали русско-румынские войска начальника 47-го армейского корпуса А. М. Зайончковского. Не имея тяжелой артиллерии и пополнений, союзная Добруджанская армия генерала Зайончковского с боями отходила к устьям Дуная, сдав противнику Констанцу и Черноводы. С потерей Констанцы русские войска потеряли последнюю тыловую базу, так как других румынских портов на Черном море нет. Вместе с отступавшими войсками, к дельте Дуная катилась орда беженцев, забивавших дороги и переполнивших две переправы через Дунай – у Ферапонтова монастыря и под Измаилом. В отличие от беженцев западной и центральной частей королевства, уходивших в Ясский район, добруджанские беженцы в силу географии стремились отступить за вод-

² Балканы в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1991. С. 270.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 1–2.

ную преграду Дуная, тем самым оказываясь на территории России – в Бессарабской губернии.

Разумеется, беженцы мешали отступавшим войскам успешно обороняться. А. М. Зайончковский жаловался, что «волна беженцев парализовала его ближний тыл до невозможности найти целые отряды и установить с ними связь, до невозможности выполнить боевые задачи». Русские просили румын навести порядок, но, не надеясь на них, Начальник штаба русской Ставки Верховного командования М. В. Алексеев потребовал от штаба Одесского военного округа командировать для организации эвакуации беженцев через Дунай «всех офицеров, коих может выделить Одесский округ с командами и стражниками»⁴. В свою очередь, комкор-47 уполномочил начальника снабжений 47-го корпуса В. П. Тальгрена на «руководство упорядочиванием движения всех беженцев и обозов, подчинив ему все гражданские власти, которые пришлось собирать с другого берега Дуная». В итоге, с 12 октября «движение обозов и беженцев вошло в русло правильно урегулированного события»⁵.

В тылу отступавших союзников по Антанте, затрудняя отход, активизировалось и местное болгарское население Южной Добруджы, видя успехи своих. Приказ Зайончковского от 14 октября вводил репрессалии против местных болгар. Командарм отмечал, что «в последнее время в районе Добруджанской армии чрезвычайно участились случаи враждебного отношения к войскам армии со стороны местного болгарского населения, выразившееся в умышленной порче телеграфных и телефонных линий, стрельбе по ночам в населенных пунктах». Зайончковский распорядился выселить на левый берег Дуная болгарское и турецкое население, а также в каждом населенном пункте, где проходят телеграфные и телефонные линии, взять заложника из болгар⁶.

В славянском русско-болгарском противостоянии, к сожалению, достаточно быстро стал проявляться «сербский фактор» – взаимная ожесточенность, вызванная тем, что в состав 47-го корпуса входила Сербская дивизия, сформированная из военнопленных сербов на территории России. Сербы и болгары, конкурирующие на Балканах южнославянские народы, с долгой историей взаимной вражды, вели борьбу на уничтожение – с минимумом пленных. Так как Сербская дивизия действовала бок о бок с русскими, то такая практика перекидывалась и на русско-румынские войска в составе Добруджанской армии. В письмах домой русские солдаты жаловались на зверства болгар, убийства ими раненых и пленных, насилие войск неприятеля над мирным румынским населением⁷.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 419. Л. 167, 187.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 516. Л. 30.

⁶ РГВИА. Ф. 2270. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

⁷ Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. С. 254.

Очевидно, подобными вещами в ответ занимались и русские. Несколько позже, командующий Дунайской армией, развернутой на базе 47-го корпуса (румынские войска из состава упраздненной Добруджанской армии были отправлены под Бухарест), В. В. Сахаров в приказе от 3 ноября угрожал военно-полевым судом тем, кто будет добивать раненых – «с указанием суду судить таких разбойников по всем строгостям закона без всякого сожаления и снисхождения». Дело в том, что пленные болгары утверждали, что «несут большие потери в сражениях с нами, но в большинстве тяжелоранеными или убитыми, предпочитая последнее плену, так как среди них распространено убеждение, что русские раненых добивают, а пленных убивают»⁸.

Неудачные бои повлекли за собой дезертирство в войсковые тылы. Случаи перемешивания беженцев с солдатами вынудили русское командование организовать в своем тылу войсковую завесу, а Ставка требовала принимать крутые меры в борьбе с дезертирством. Алексеев указал задерживать дезертиров, судить их военно-полевыми судами и – «постановления судов над осужденными немедленно же в пример прочим привести в исполнение»⁹. В свою очередь, В. В. Сахаров 6 ноября распорядился установить караулы на мостах через Дунай силами начальников гарнизонов Мачина (капитан Соколов) и Исакчи (капитан Клепиков). Сахаров приказал «местным жителям воспретить переходить мосты в южном направлении, позволяя переходить мосты только в северном направлении». Путь на юг через Дунай был возможен только по удостоверениям румынского комиссара при Дунайской армии Камарашеску¹⁰. То есть, в Бессарабию румынские беженцы пропускались, а обратно – нет, чтобы не усилить хаос отступления.

Железные дороги захлебывались от перенапряжения, но румынское руководство не сумело по достоинству оценить необходимость своевременной эвакуации ряда учреждений и предприятий столицы, на которую нацеливался противник. Если противник имел для снабжения своих наступавших частей свободные от невоинских перевозок коммуникации, то оборонявшиеся русские и румынские войска оказались в патовом положении в деле снабжения, ввиду продолжавшейся эвакуации и лавины беженских потоков в Молдавию. Даже не имея общего численного преимущества, австро-германцы могли создавать огневые кулаки, чтобы пробивать русскую оборону.

Сдача Добруджи усугубила ситуацию: снабжение через Болгарию со стороны Добруджи, по Черноводской железнодорожной ветке, позволяло австро-германцам усиливать свои наступающие войска всем необходи-

⁸ РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 2. Л. 116.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 180. Л. 260об.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2163. Оп. 2. Д. 6. Л. 10.

мым. При отходе из провинции, 19 ноября русская Ставка распорядилась разрушить линию Черноводы – Бухарест и все железнодорожные сооружения в случае, если придется этот район оставить – «главным образом в случае отхода надо разрушить существующий мост и виадук у Черновод». Ставка рекомендовала начать подготовку и «сформировать особый конный отряд, на который возложить в случае отхода уничтожение всех запасов»¹¹, но сделать этого не удалось.

Таким образом, в конце ноября 1916 г. оба беженских потока – из Добруджи и из-под Бухареста – стали сливаться в единое целое. В связи с дезорганизацией румынской армии после поражения в битве за столицу¹² (румынская армия будет восстановлена в 1917 г. с помощью французской миссии А.-М. Бертело) значительная нагрузка в регулировании беженского движения легла на плечи русского военного командования, тесно сотрудничавшего в этом отношении с румынской гражданской администрацией на местах. По мере отступления и неудач ситуация лишь ухудшилась, ибо теперь северо-восточные румынские провинции, сохраненные от неприятельского нашествия, заполнили беженцы, переходившие границу в Рени, Кагуле, Леово, Немцанах, Унгени и Скулянах, где организовывались пункты приема беженцев¹³, и громадные войсковые массы.

Немедленно после падения Бухареста, 23 ноября врид Начальника штаба Верховного главнокомандующего (заболевший Алексеев выехал для лечения в Крым) В. И. Гурко запрашивал русского представителя при румынском командовании М. А. Беляева о вероятной численности румынских беженцев, которых придется принять в Бессарабии – «придется ли заботиться об обеспечением беженцев теплой одеждой?». Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта Е. Ф. Эльснер, понимая, что много беженцев принять сразу невозможно, просил не пропускать румын в Бессарабию, а направлять их в северные районы Румынии, о чем Беляеву следовало договориться с румынами. Беляев считал, что русскую границу перейдет не менее 100 тыс. румын только военнослужащих – новобранцев и тыловиков, не считая гражданских беженцев, а в начале декабря он сообщил, что число беженцев неизвестно даже приблизительно. Беляев уточнил, что «в переговорах с [румынским премьер-министром] И. Брэтиану просил организовать направление в Россию группами под начальством органов местной низшей администрации... румынские чиновники облегчат их учет, и будут служить посредниками между беженцами и нашими властями»¹⁴.

Русско-румынскую приграничную полосу должны были заполнить лишь простые люди – румыны ходатайствовали об эвакуации состоятель-

¹¹ РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 6. Л. 151.

¹² Также см. Оськин М.В. *Румынский поход 1916 года*. М.: Русские витязи, 2020.

¹³ РГВИА. Ф. 2085. Оп. 4. Д. 1. Л. 76.

¹⁴ РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 5. Л. 116–118, 127.

ных беженцев вглубь России. Соглашаясь с коллегами, М. А. Беляев считал, что «ввиду чрезвычайного истощения продовольственных средств в Молдавии вообще и в частности в Яссах, крайне желательно дать возможность состоятельным лицам выехать оттуда как в Россию, так и во Францию»¹⁵. Однако, вплоть до декабря граница открывалась до перевозок только утром, бездействуя всю ночь. Причем, по вине русской стороны, опиравшейся на довоенные инструкции. Узнав о безалаберности, М. А. Беляев телеграфировал в Ставку Главному начальнику военных сообщений С. А. Ронжину, после чего 5 декабря Ронжин ответил, что в Унгени граница будет открыта для перевозок круглые сутки¹⁶.

Телеграммами от 28 октября и 26 декабря Департамент таможенных сборов дал таможенникам указания об устранении затруднений в пропуске румынских беженцев на русскую территорию. Между тем, в начале января 1917 г. от бессарабского губернатора М. М. Вороновича и В. В. Сахарова были получены телеграммы о задержке русскими таможенными, в особенности Кагульской заставой беженцев на основании телеграфного распоряжения Бессарабского губернского правления № 2355 о пропуске в Бессарабию только тех румын, что имеют удостоверения от румынского правительства. Управляющий Кагульской заставой донес, что пропускал всех, имеющих какие-либо документы, задерживая лишь лиц вовсе без документов. На Советании в Одессе 15 января было решено, что пропускать можно и по так называемым «беженским билетам», которые могли выдаваться на группу лиц¹⁷.

Одним из сопутствующих беженскому движению отрицательных факторов неизбежно являлась эпидемическая обстановка. Помогая нуждавшемуся во всем союзнику, русские власти частично взяли на себя усилия по преодолению распространения массовых заболеваний. Так, 5 февраля 1917 г. 1-й секретарь русской миссии в Яссах князь М. А. Гагарин, сообщая об «ужасном состоянии румынских железных дорог», просил прислать известие для захоронений, дабы не допустить эпидемий. Гагарин жаловался, что «во всей Молдавии извести нет»¹⁸.

В приграничных районах (например, Измаильский уезд) Земский союз организовывал эпидемические отряды для борьбы с эпидемией оспы и возвратного тифа. Уже после Февральской революции, 20 марта главноуполномоченный по устройству беженцев на Румынском фронте бывший люблинский губернатор И. И. Стерлигов просил средств на оказание «продовольственной и особенно медико-санитарной помощи местному населению и беженцам, сдвинутым в приграничной полосе Бессарабии». Стерли-

¹⁵ РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

¹⁶ РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 4. Л. 25, 32.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 2120. Л. 165–166, 212.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1001. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

гов считал правильным, «не создавая новой организации, сосредоточить у меня все кредиты, отпускаемые на нужды беженцев-румын и местного населения на Румынском фронте, выделив расходы на беженцев-румын отдельно». В этот момент хлеб ценился куда выше денег, и потому главноуполномоченный полагал, что денежный паек выдавать нецелесообразно, так как покупать нечего, а следует «открыть продажу продуктов, которых на месте нет»¹⁹.

Продовольственная ситуация на Румынском фронте являлась одним из наиболее слабых мест. Прежде всего, следует сказать об увеличении количества людей в северо-восточном регионе Румынии и примыкавших к нему Бессарабии и Буковине. Если в середине августа в Добрудже оперировал русский 47-й армейский корпус численностью около 50 тыс. чел., да и то опираясь преимущественно на румынские продовольственные ресурсы, то спустя всего четыре месяца в Румынии находилось около 1 млн. русских войск (три армии – 9-я, 4-я и 6-я), остатки разбитой под Бухарестом румынской армии и более миллиона румынских беженцев. Даже если считать, что 9-я армия в основном осталась на прежнем месте боевого расположения в Южных Карпатах, число военнотружущих, не говоря о беженцах, увеличилось не менее чем в 10 раз.

К началу румынской кампании, по оценке интендантства, «сеть продовольственных магазинов была в зачаточном состоянии», а именно – всего 9 магазинов и складов в 233 тыс. пуд на всю Бессарабию. Соответственно, интендантство всемерно стремилось развести пути снабжения для армий фронта. Продфураж для 6-й армии направлялся из Одессы на Траянов Вал и Рени, а частью – морем до устьев Дуная и по нему до Килии и Измаила и далее по озеру Ялпук к Болграду. Озеро Ялпук являлось рыбьим садком, почему пришлось разрушить плотину, преграждавшую рыбе проход в Дунай, углубить этот проход и перевозить грузы на баржах к специально построенной пристани. Продовольствие для 4-й армии шло целиком на Яссы, а для 9-й – большая часть на Яссы, а остальное подвозилось по линии Окница – Новоселицы – Черновицы²⁰.

Теперь задача снабжения продовольствием эвакуированных румынских беженцев и остатков румынских вооруженных сил, во многом ложилась на плечи русского союзника. Для обеспечения снабжения на правом берегу Дуная создавались стратегические запасы продовольствия. Расселение же беженцев в деревнях русской Бессарабии и Северной Румынии, означало, что крестьянство данного региона, и без того небогатое, будет вынуждено разделить свои запасы. Главный полевой интендант К. Н. Егорьев 26 декабря сообщал в Ставку, что с 1 сентября по 1 декабря число ртов на

¹⁹ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 209. Л. 13.

²⁰ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164. Л. 26–27об.

фронте увеличилось на 1 млн. чел. – более 200 тыс. румын, рабочие на оборонных предприятиях и члены их семей, семьи офицеров и чиновников в пределах театра военных действий, семьи различных рабочих на фронте и железнодорожников, инородцы²¹. В декабре это число лишь возросло.

Потеря простреливаемых германской артиллерией гирл Дуная, кроме северного, также способствовала увеличению трудностей снабжения, а ведь помимо отступивших войск, союзники должны были кормить еще и беженцев. Снабжение действующей армии всецело относилось к компетенции военных властей. Поэтому вся нагрузка снабжения войск и беженцев хлебом легла на полевое интендантство, ведавшее снабжением прифронтовых районов, которым теперь стала вся Румыния. По мере развития событий, продовольственные и фуражные грузы стали сосредотачиваться в складах Юго-Западного фронта, в ожидании ухудшения ситуации ввиду погодных условий. Зима только еще начиналась, а люди уже голодали – русский транспорт рушился на глазах, не имея отдыха в течение всей войны, напротив – работая на полную нагрузку и сверх того.

Недостаток снабжения, ставший основной причиной массовых заболеваний, лишь ухудшил статистику потерь войск – большое распространение в действующей армии, перебросившись от беженцев, получили такие болезни как цинга и куриная слепота. Артиллерист 44-го армейского корпуса, прибывшего на Румынский фронт в феврале 1917 г., вспоминал: «кормить стали в Румынии плохо, о белом хлебе и думать нечего – черный, сбавили порции до двух фунтов. Кашу стали варить только кукурузную»²². Зимой, когда нельзя было наладить необходимое снабжение войск Румынского фронта продовольствием и фуражом, в русских частях начались эпидемии.

Первоочередными болезнями стали цинга и тиф, косившие местных крестьян, беженцев, военнослужащих русской и румынской армий. Например, 10 января начальник Дикой дивизии П. А. Половцов доносил начальнику штаба фронта М.И. Шишкевичу: «в деревнях, где расположена дивизия, среди местного населения появляется брюшной тиф, есть случаи заболевания также между всадниками. Воды не везде достаточно и часто она плохого качества, фуражные средства иссякают. Интендантство подвезти не может, многие всадники больны воспалением легких из-за плохого расквартирования». Сюда же выводят 3-ю и 12-ю румынские дивизии и, таким образом, «дивизия не может использовать отдых в настоящем районе»²³.

Спорным вопросом стала задача взаимной конвертации валют в расчетах между союзниками. В начале 1917 г. председатель Особого межведомственного совещания для ближайшего соображения вызываемых

²¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 249.

²² Гребенкин К.М. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 64.

²³ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 16об.

возможностью эвакуации Румынии мероприятий сенатор гофмейстер Д. И. Засядко просил установить льготный курс для румынских беженцев, выезжавших на территорию России. Однако, Министерство финансов отказало – «до согласия румынского правительства на размен нашим войскам рублей на леи по паритету». Письмо Засядке от управляющего Министерством финансов А. Николаенко от 23 января 1917 г. разъясняло ситуацию: «в свое время, особенно в первый период присоединения Румынии к державам Соглашения, Министерство финансов испытывало значительные затруднения в получении румынской валюты, предназначавшейся для довольствия действующих на территории Королевства войск. Расходы в леях требовались значительные, ибо наши войска во избежание серьезных курсовых потерь от расчетов в рублях, должны были бы производить все расходы в румынской валюте». Румыны не поддержали фиксированного курса русского рубля, и «расценка рубля, доходившая до 180 лей за 100 руб. ничем, не парализовалась со стороны румынского правительства». Нынешний курс составляет 266,68 лей за 100 руб. и – это убыточный курс по сравнению с рыночным. Льготный курс должен быть 34,5 руб. за 100 лей²⁴. Следовательно, валютно-финансовые противоречия послужили к ухудшению материального положения беженцев.

Помимо прочего, взаимному урегулированию подлежали и вопросы использования рабочей силы на строительстве полевых укреплений, выполняемого не только войсковыми частями (саперы, ополченские дружины, железнодорожные батальоны), но и исполнявшими армейские задания общественными организациями (рабочие дружины Земгора и инородцы). К этим работам предполагалось привлечь население Северной Румынии и Бессарабии, а также – беженцев. После падения Бухареста русские и румынские войска отступали в Молдавию, ибо русскому командованию не удавалось образовать сильного кулака – все подходившие в Румынию корпуса немедленно вводились в бой, ввиду чего немцы били союзников по очереди. Лишь когда количество русских войск стало достаточным, чтобы числом удержать преимущество, отход остановился на линии реки Серет.

Удержание рубежа Серета требовало своего укрепления полевой фортификацией. В этом районе русские саперы под руководством А. П. Шошина, руководившего строительством переправ через Дунай и возглавлявшего позиционные работы в Северной Румынии, работали с начала октября. Сначала в распоряжении Шошина была всего одна саперная рота, к 10 октября прибыли еще две роты, и к середине месяца – еще три. Для инспекции в Бакэу выехал начальник корпуса инженеров Юго-Западного фронта профессор К. И. Величко, указывавший Шошину – «работы вести самым энергичным образом, добывая рабочих всеми средствами, не считаясь с

²⁴ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 215. Л. 2–4.

расходами. Через генерала Беляева настоятельно просите о реквизиции рабочих, поставки на работы беженцев и прочее»²⁵.

В телеграмме в Ставку от 22 октября Величко предлагал следующий порядок работ, так как русский военный агент в Румынии полковник А. А. Татаринов сообщил, что работы должны вестись за счет румын: «1. Все работы следует вести, оплачивая их распоряжением руководителей работ из русского строительного кредита при участии русского фактического контроля; 2. Истраченная сумма должна целиком возмещаться русской казне румынским правительством. Только этот порядок обеспечит скорое производство работ, правильную плату рабочим, организацию их питания и санитарного надзора, ибо румыны никаких соответственных организаций не имеют и быстро создать не могут». К середине ноября по линии реки Серет трудилось около 10 тыс. рабочих при 645 подводах, хотя предполагалась цифра в 60 тыс. рабочих и 6 тыс. подвод. В ответ на жалобы главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусилова, Беляев 17 ноября сообщил в Ставку, что «при настоящих условиях нельзя рассчитывать на получение в Румынии рабочих в сколько-нибудь значительном числе». Тогда же, 23 ноября было вновь отдано распоряжение о передаче руководителю саперных работ в Северной Румынии А. П. Шошину 60 тыс. рабочих «из числа населения, уведенного из занимаемого неприятелем района». Так как румынские рабочие не имели теплой одежды, 1 декабря Величко просил дать на работы русских рабочих. То есть – из Бессарабии, и без того обремененной усилиями на снабжение Румынского и Юго-Западного фронта. Однако, людей все равно не хватало, а главное – не могли решить, какая сторона и в какой пропорции будет кормить и одевать работавших на позициях крестьян. Решением проблемы занималась даже русская Ставка. Телеграмма В. И. Гурко русскому посланнику в Румынии А. А. Мосолову и В. В. Сахарову от 27 декабря сообщала, что 11 тыс. рабочих на 1100 подводах, прибывающих в тыл Румынского фронта, в первые дни могут остаться без пищи. Потому «необходимо, чтобы эти рабочие, как пришедшие на защиту румынской территории, были приняты на довольствие румынской армией... Это лишний раз убеждает меня, что румынские пополнения необходимо оттянуть в тыл, так как после того как местные запасы иссякнут, все равно железные дороги не в силах будут подвозить необходимое им продовольствие»²⁶.

Очевидно, дело туго двигалось с места, так, как и в начале 1917 г. русские инстанции продолжали слать запросы о привлечении к работам румынского населения и беженцев. Например, в ответ на очередное ходатайство А. П. Шошина, 4 февраля 1917 г. вице-директор Дипломатической

²⁵ РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

²⁶ РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 15. Л. 3, 37, 122–123, 127, 134, 179, 206, 271.

канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего запрашивал А. А. Мосолова, «не встречается ли каких-либо препятствий к привлечению в дружины Всероссийского Земского союза румын-беженцев на тех же условиях, на каких нанимаются комитетом остальные рабочие и требуется ли для найма этих беженцев разрешение румынского правительства». В. И. Гурко признавал эту меру необходимой «за общим недостатком рабочих рук в стране». Ставка конкретизировала, что «в случае возражений румынского правительства весьма желательно было бы указать, что русские военные власти на этом мероприятии, как в отношении добровольного, так и принудительного привлечения к работам румын-беженцев, безусловно настаивают»²⁷.

Использование русской рабочей силы обуславливалось неумением или нежеланием румын в широких масштабах привлечь к работам собственное население как к оборонительным работам, так и для централизованного образования запасов продовольствия и фуража. Начальник отделения по перевозке войск и грузов Отдела военных перевозок Главного управления военных сообщений А. С. Санников 21 ноября сообщал Беляеву и в штаб Юго-Западного фронта: «Румыния совершенно не может заготовить продовольствие и фураж для прибывающих частей. Те небольшие склады, которые имеются, могут служить лишь для отдельных случайных выдач. Поэтому подвоз продовольствия для частей, как уже находящихся в Румынии, так и прибывающих, должен быть организован в полном размере из пределов Империи». В качестве примера Санников привел такой факт, что восемь русских транспортов около двух недель ожидали разгрузку на Дунае, так как никто не знал, кто же отвечает за разгрузку в условиях нехватки рабочих рук. Причина – для разгрузки тыловики Дунайской армии отправили всего три роты военнопленных, а румынские власти крестьян вообще не дали. В результате, лишь после понуканий из Ставки на разгрузку бросили тыловики, ополченцев, беженцев и мобилизованных местных жителей»²⁸.

Если до проигрыша генерального сражения у стен столицы вопросы снабжения еще решались, то с падением Бухареста резко усилилось наметившееся ранее беженское движение, причем вся эта масса – по разным подсчетам от 1 до 3,5 млн. чел., двинулась на северо-восток, навстречу двигавшимся в Румынию русским войскам. Встречное перемешивание двух больших людских потоков неминуемо вело к затруднениям в снабжении. Забитые железные дороги вынуждали обратить пристальное внимание на местные средства – то есть, на ресурсы Румынии.

Тем самым в конце 1916 г. румынское военно-политическое руководство оказалось перед двойственным выбором: с одной стороны, тре-

²⁷ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

²⁸ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Л. 77, 86.

бывалось, разумеется, прокормить собственных людей – остатки армии, новобранцев и беженцев. С другой – надлежало делиться с русскими войсками, ведшими оборонительные бои и служившими щитом между неприятелем и оставшейся румынской территорией. Испытывая недостаток продуктов питания, румынские власти не торопились поделиться с русскими своими продуктами, запрещая хлеб владельцам продавать русским зерно, дабы сохранить его для румынской армии. Румынские интенданты, стремясь сохранить оставшиеся запасы для довольствия собственных войск, вплоть до конца года нередко отказывали русским в выдаче продуктов, «мотивируя свой отказ имеющимся строгим предписанием начальства не давать русским войскам продуктов» и запрещая русским интендантским службам выяснять ресурсы занимаемых районов. Конечно, русские военные начальники негодовали – например, командир 3-го кавалерийского корпуса граф Ф. А. Келлер 4 ноября писал супруге: «для людей помещений нет, они живут в землянках без отопления, а лошади стоят на снегу, на морозе»; «народ здесь до невозможности противный и недобросовестный. За каждый кусок хлеба или полено дров норовят содрать с человека шкуру. Ну и союзники!»²⁹.

Оценка Келлера была не совсем справедливой: румынским властям требовалось не допустить голода среди беженцев и населения – поэтому, румыны делились с русскими по остаточному принципу, но неизменно идя навстречу в случае жестких требований, сознавая свою зависимость от русской военной помощи. Главное – в период общего отхода к рубежу Серета продовольствие и фураж доставлялись всем адресатам, пока к тому была возможность.

Справедливости ради следует сказать, что и внутри России некоторые уполномоченные не стеснялись проводить саботаж в отношении передачи в Румынию продуктов питания. Обуславливалось это начинавшимся в империи продовольственным кризисом, но все-таки такая позиция представляется неверной и в корне неправильной. Например, телеграмма войскового наказного атамана Войска Донского М. Н. Граббе в Особое СовеЩание по обороне государства от 9 декабря 1916 г. отказывала в заготовке подсолнечника. Атаман телеграфировал, что «ввиду усиленного требования подсолнечного масла на фронте и острого недостатка его для местного населения, я не нашел возможным разрешить вывоз из Таганрога 15 тыс. пуд подсолнечного семени в Румынию, тем более что в настоящее время значительная часть румынской территории с городом Бухарестом занята немецкими войсками»³⁰. Столь своеобразное «оправдание» – падение Бухареста, не может не вызвать негодования.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 921.

³⁰ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 95. Л. 566.

Следует учитывать, что на румынское интендантство и работавшие с ним в связке гражданские власти с конца ноября легла тяжелейшая задача – питание беженцев, остатков своей армии, и вдобавок – снабжение все более увеличивающегося в числе русского контингента в Румынии. Видя увеличение числа «едоков» на более чем миллион человек (к концу года, всего за месяц общего отступления – вдвое больше, чем в момент Бухарестского сражения), румынская сторона не имела объективной возможности к тому, чтобы обеспечить всех продовольствием, так как запасов хлеба просто не было. Можно было рассчитывать лишь на минимальные запасы предыдущих лет, и на урожай 1916 г. на оставшейся свободной от германской оккупации территории королевства.

Поэтому, румыны рьяно настаивали на том, чтобы русские войска снабжались из России. Однако, железные дороги не могли обеспечить одновременные перевозки и войск, и питания для них, почему вплоть до весны основная нагрузка в деле снабжения продовольствием и фуражом легла на румынскую сторону. Использование местных средств Румынии было затруднено; особенно – после падения Бухареста, так как резкое сужение кормовой базы и запасов продовольствия на складах, понуждало румынские власти заботиться о своих войсках, а не о русских. Вдобавок, накопленные запасы шли на питание беженцев, а увеличение русского контингента означало, что местное население не сможет поставить необходимого для надлежащего довольствия русских войск продфуража.

После Февральской революции в России штаб Румынского фронта также не имел права забывать о союзниках. Назначенный Временным правительством новый Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев 12 марта телеграфировал Помощнику главнокомандующего Румынским фронтом (таковым номинально считался румынский король Фердинанд I) В. В. Сахарову, что ему следует немедленно предпринять совместные с румынами действия по выходу из тяжелой ситуации. Алексеев считал, что «растущий недостаток продовольственных припасов в Румынии требует скорейшего осуществления всех возможных мероприятий для борьбы с создавшимся в связи с этим положением. Ввиду сего прошу безотлагательно выработать совместно с румынскими Главной квартирой и правительством и при участии нашей миссии детальный план конкретных мероприятий в этом направлении». Следовало выяснить необходимое румынам количество продовольствия, фуража и интендантского имущества (форма, обувь), «выяснить какое количество грузов фактически может по условиям транспорта быть подвезено в Румынию сверх необходимого для нужд нашей армии», определить пути эвакуации, и особенно – «на случай движения беженцев под влиянием недостатка продовольствия в Румынии»³¹.

³¹ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 464. Л. 373.

Значение продовольственного фактора зимой 1916/1917 гг. невозможно переоценить. Ведь румынскому руководству надлежало кормить не только армию и оставшееся на не оккупированной австро-германцами румынской территории население, но и постепенно возвращавшихся беженцев (в том числе с территории Бессарабии). Истощенная румынская Молдавия не могла прокормить всех нуждающихся. Поэтому Бессарабия в 1917 году, по удачному выражению, чем дальше тем больше становилась «зернохранилищем» румынского государства, что неизбежно и объективно влекло за собой практику реквизиций³².

Беженское движение 1916 г. является одной из трагических страниц участия Румынии в Первой мировой войне. Сотни тысяч людей вынужденно или добровольно оказались в сложнейшей жизненной ситуации, будучи вынуждены покинуть родной очаг под угрозой вражеского вторжения. Сравнительно короткие сроки отступления – несколько месяцев – несколько сгладили трагизм ситуации. Неорганизованный отход в тыл в обстановке военных действий – усугубил количество жертв.

В связи с тем, что беженцы стали невольными свидетелями и боев, и сражений, находясь в непосредственной близости от зоны военных действий, их судьба во многом зависела от деятельности военного командования. Для румынского беженского движения этот фактор отличался еще и тем, что приходилось взаимодействовать с союзными войсками Российской империи. Соответственно, русское командование тоже должно было учитывать сложившиеся обстоятельства и предпринимать все возможное, чтобы облегчить тяготы войны для мирного населения, оказавшегося на театре военных действий и попавшего в круговерть военных операций, отступавших под натиском неприятеля русско-румынских союзных армий.

³² Octavian Țicu, *Basarabia între cele două uniri: instituirea administrației românești în Basarabia și dificultățile reîntregirii (27 martie – 27 noiembrie 1918)*. În „Revista de Istorie a Moldovei”, 2019, nr. 3-4, p. 71–73.